

Марина
СЕРОВА

**АТТРАКЦИОН
НЕВИДАННОЙ
ЩЕДРОСТИ**

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина Сергеевна Серова
Аттракцион
невиданной щедрости
Серия «Русский бестселлер»
Серия «Телохранитель
Евгения Охотникова»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62718211
Марина Серова Аттракцион невиданной щедрости:
ISBN 978-5-04-116560-4

Аннотация

У телохранителя Евгении Охотниковой не выходит из головы неожиданная встреча с ее знакомым, мальчиком по имени Артем Кормухин, который утверждает, что стал свидетелем убийства известного бизнесмена. Даже его родной отец, похоже, не слишком верит в эту историю, о чем и сообщает Жене, когда сын уходит из дома. Но Женя склонна думать, что Артем не просто выдумал убийство, чтобы привлечь к себе внимание, – довольно много фактов сходится в рассказе мальчика. Женя начинает собственное расследование и обращается за помощью к своему новому знакомому, Глебу, которого тетя Мила упорно пытается ей сосватать...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	46
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Марина Серова
Аттракцион
невиданной щедрости

Редактор серии А. Антонова

Дизайн обложки Е. Анисиной

Серия «Русский бестселлер»

© Серова М.С., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Глава 1

– Так и хочешь выпихнуть меня из гнезда, – возмутилась я.

– Конечно, – невозмутимо ответила тетя Мила. – Знаешь, как надоело сталкиваться лбами и вечно торчать под дверью ванной комнаты, ожидая своей очереди.

– А как же насчет того, что молодым везде у нас дорога? – вспомнила я.

– Да, но старикам – почет, – парировала она и с гордым видом направилась к холодильнику.

– Старики? – я удивленно осмотрелась по сторонам. – Ау, куда спрятались? Нет тут стариков, тетя Мил. Ты про себя, что ли? Вот когда тебе нужно, то сразу вспоминаешь про возраст. Это низко, тетушка, и некрасиво.

Тетя Мила вернулась к столу с пачкой майонеза в руках. Открыла упаковку. Вздохнула и пожала плечами. Такой жест мог означать что угодно.

– Понимаешь, Жень, – просто сказала она, – тут дело даже не в том, что я поскорее хочу пристроить твое незамужнее личико, а в том, что парень действительно хороший. Дай банку с горошком. Пообщаться-то с ним можно?

– Где он? – спросила я.

– Скоро придет, сама увидишь, что нормальный.

– Я про горошек.

– Так вот же, перед глазами.

Тетя делала салат, смешивала в миске аккуратно нарезанные ингредиенты, а я, стоя рядом, пыталась разузнать какую-то еще информацию. И, видит бог, я не слишком усердствовала. Пока что.

– Этот салат называется «Свобода», – сделала объявление тетя Мила, выжав остатки майонеза из скрученной упаковки.

– Этот салат называется оливье, – поправила я.

– Нет, «Свобода».

– Нет. Это оливье.

Тетушка раздраженно бросила ложку в миску.

– Отойди, – попросила она. – У меня и без тебя день сломался. Я нервничаю, а ты давишь. Уйди отсюда.

Я знала, какой бывает тетя в те моменты, когда выходит из себя, и тогда из нее летели искры. Но сейчас – не этот случай. В нынешней ситуации она разозлилась по-настоящему, но без искр. Мне бы прислушаться к ее совету и отойти от греха подальше, но я принципиально стояла на своем и хотела выяснить у тети как можно больше.

– «Свобода» – дурацкое название, – не отставала я. – К тому же, кажется, уже есть салат с таким названием. Назови этот иначе.

– Евгения, – попросила тетя Мила.

– Как скажешь, – согласилась я, устав от собственных придирок. – Есть же торт, который называется «Графские развалины». Никто еще зубы не сломал. Пусть салат будет на-

зван «Евгения».

Тетя Мила почувствовала мое состояние. В какие-то моменты она превращалась в настоящего эмпата, этого было у нее не отнять.

– В нашем доме не так уж часто слышны мужские голоса, – проговорила она и сделала попытку снова начать смешивать содержимое миски с майонезом. – Поэтому предлагаю просто ловить момент. Это мой давний друг, Женя. Старый друг. Не порть нам вечер. И про себя не забудь.

– А откуда он взялся, не напомнишь? – поинтересовалась я. – Почему я о нем не знала раньше?

Тетя Мила улыбнулась:

– Костя из тех знакомых, с которыми можно не видеться сто лет и не замечать этого, а потом при встрече испытать чувство, будто и не было расставания, – объяснила она.

– Это называется равнодушие, тетя Мил.

Я достала из банки соленый огурец и откусила хрустящий хвостик.

– Это не равнодушие, Женя. Таких людей называют «своими».

От огурца быстро ничего не осталось. Я полезла в банку за вторым.

– Ну, хорошо, хорошо. Пусть он «свой», – кивнула я. – Но почему вдруг он в гости-то придет? Есть причина?

Тетя Мила в очередной раз яростно вонзила ложку в салат

и вдруг остановилась.

– Да ты знаешь, – задумчиво произнесла она, – мы давно планировали.

– Чего?

Удивлению моему не было предела. Тетушка состояла в длительных романтических отношениях? Вот это поворот. Разумеется, она имела право закрутить роман, а если повеет, то и несколько, но меня смущало другое – все время, пока она крутила со своим Костей, она молчала, как партизан.

– Ты посолить забыла, – вспомнила я.

– Не забыла.

И она снова принялась за салат.

Я смотрела не тетю Милу и чувствовала, как меня начинает накрывать чувство вины. Оно зародилось где-то в районе солнечного сплетения и поползло вверх, поближе к горлу, а там ведь уже и до мозга недалеко. Такими темпами и до слез докатиться можно.

Тетя Мила всегда была очень симпатичной, даже сейчас, будучи уже, увы, немолодой. Я наблюдала за тем, как тетя талантливо делает вид, что ей наплевать на мои подколы, и вдруг поняла, что переборщила. Сначала опозорила ее идею с названием салата. Потом с сарказмом отреагировала на сообщение о каком-то мужике, который, оказывается, является для нее близким другом.

Решив, что вела себя неправильно и уже достаточно потрепала нервы родной душе, я пошла в комнату и упала на

диван. Наряжаться не было желания. Пусть видят меня такой, какая есть: в футболке, с прической лондонской проститутки времен Джека-потрошителя, с потухшим взглядом, не выспавшуюся, злую и готовую убивать. И все-таки почему тетя ничего мне не рассказала?

– Женья! – донеслось из кухни. – Помоги, пожалуйста.

Я закрыла глаза. Нет уж, тетя Мил, давай сама. А меня дома нет.

С кухни донесся громкий звук, словно на пол упало что-то металлическое и, кажется, пустое, и я тут же сменила гнев на милость, потому что тетя никак не прокомментировала случившееся. Ни охов, ни вскриков, ни причитаний. Опасно такое молчание.

То, что я увидела на кухне, меня огорчило. Миска, в которой только что находилась «Евгения», лежала на полу, а ее содержимое покрывало огромную часть пола. Тетя Мила стояла над этой трагедией и молча разглядывала последствия катастрофы.

– Не понимаю, как же так случилось, – растерянно проворковала она. – Не удержала, что ли...

– Я уберу.

Через пять минут на полу не осталось ни следа от безобразия. Тетушка тихонько сидела в уголке и наблюдала за тем, как я орудую шваброй.

– Это ужасно, – наконец произнесла она. – Наверное, рука соскользнула. Ты знаешь, у этой миски очень хилая основа.

Доньшко совсем крохотное. Вот и не удержала, а она, возьми, да и грохнись.

– Наверняка так и было, – согласилась я, завершив уборку. – А теперь вот что. Я тебе сделаю чашку чая, а потом себе тоже сделаю. Мы отдохнем, а потом что-нибудь придумаем, хорошо?

– Гости будут совсем скоро, – не согласилась тетя Мила. – Времени в обрез. Салат, Женя! Я не успею приготовить новый до прихода гостей.

– Из миски не все вывалилось, – успокоила я ее. – Осталось достаточно, чтобы накормить пришедших. Аккуратно соберем с пола верхушку, кинем эти остатки в салатницу, украсим помидоркой и поставим в центр стола. Никто и не заметит, что там на всех не хватит. Так что, все-таки чай? Или вина? Ты же купила две бутылки вина. Может, накатим?

– Не успеем, – деловито сказала тетя Мила.

Мне вдруг стало ее очень жалко. Зачем мне, спрашивается, надо было доводить родного человека до состояния нервного истощения? Конечно, тетя волновалась, ведь на то были причины. Друг, которого она так ожидала в гости, решил притащить с собой взрослого сына. Вопрос только – зачем? Хотел познакомить сына с подругой? Но что за резон небритому детине торчать за столом рядом с немолодыми людьми? Я бы поняла, если тетя Мила хотя бы предупредила меня об этом заранее, но она решила устроить мне «сюрприз». В виде молодого человека. Этакий плохо прикрытый намек на то,

что мне все-таки пора под венец. Эх, тетя Мила.

Досада, вспыхнув напоследок, пропала, но осадок в душе остался. Ставя перед тетей чай, я все еще боролась с желанием поднять темы сватовства, эмоционального насилия, психологического давления и напомнить дражайшей родственнице, что ее желание отделаться от меня, отдав первому встречному, сильно утомило за эти годы. Насильно мил не будешь, даже если с кем-то рай и в шалаше. Встречу своего единственного – и поговорим. Все буду решать сама. Надоело.

– Его сын в Тарасове пробудет всего неделю, – извиняющимся тоном произнесла тетя Мила. – Дел у него здесь нет, поэтому решил вместе с папой отправиться в гости. Костина жена давно умерла, он сына воспитывал один. А я и не знала.

– Да пусть приходят, – махнула я рукой. – Мне-то что за дело до него?

Тетя Мила поднесла чашку к губам и, прищурившись, сделала глоток горячего чая. И я могу поклясться, что увидела на ее лице едва заметную торжествующую улыбку.

* * *

Называть тетиного друга Костей, разумеется, я не могла. Да и внешне он не располагал к фамильярности.

– Как к вам обращаться? – поинтересовалась я после того, как он попросил называть его Константином, и честно доба-

вила: – По имени не смогу.

– Константин Глебович, – решил гость. – Как вам такой вариант? Не слишком длинно?

– Не слишком.

Его сына звали Глеб, и выглядел он моим ровесником. Если честно, я не очень понимаю тенденцию, когда родители дают сыну имена их деда по отцовской линии. Это, конечно, оригинально, ведь таким образом имя и отчество повторяются через поколение, но если проворачивать такую фишку постоянно, то скоро можно запутаться в родственных статусах и кровных узах. Дед и внук оказываются полными тезками. Говоришь об одном, а все думают, что ты про другого. Со стороны это всегда выглядит забавно. Я спорить не буду. Да и в конце концов, имя – дело десятое. Важен сам человек, а с путаницей можно легко справиться.

Так вот, сын Константина Глебовича выглядел моим ровесником и носил имя Глеб. А еще он оказался довольно-таки симпатичным мужчиной с прекрасными, как позже выяснилось, манерами и заразительным смехом. Но прежде чем потерять голову, я все же задала себе вопрос: какого лешего такой мужик тусуется со своим отцом, а не проводит время в компании себе подобных? Тетя Мила сказала, что все свои дела в Тарасове он закончил, поэтому решил сопроводить отца в гости к подруге. Но что за интерес присутствовать при их встрече лично – этот момент для меня остался загадкой.

Константин Глебович протянул тете Миле великолепный

огромный букет лилий с множеством зеленых веток аспарагуса. Внешне букет выглядел дорого и тянул тысяч на десять.

Тетя Мила приняла цветы из рук Константина и картинно согнулась под его тяжестью.

– Там кирпичи внутри, да? – кокетливо поинтересовалась она у старого друга.

Ее шутку Константин подхватил сразу же.

– Пачки денег, моя дорогая, – прогудел он низким голосом и полез к ней обниматься. – Или золотые слитки.

– А мне уже не тяжело, – успокоила его тетя. – Женя, поставишь цветы?

Да уж, он действительно старый друг. Старее не бывает. Непонятно только, почему тетя Мила о нем никогда не упоминала. Хотя о чем это я? Возможно, ей просто хотелось побольше с ним пообщаться, когда выдавалась возможность. А время, проведенное вместе, уже никогда не забудется.

Глеб выступил из-за спины отца уже после сцены с букетом. Увидев меня, тут же представился и попросил проводить его на кухню.

– Тут у нас кое-что есть, – показал он мне тяжелую дорожную сумку, когда мы остались в коридоре одни.

– Самогон принесли? – деловито осведомилась я, пытаюсь заглянуть в сумку.

– Не совсем, – уклончиво ответил Глеб, – хотя могли бы. Но нет, не та компания.

– Отчего же не та?

Глеб улыбнулся.

– Где тут у вас кухня?

Он заглянул за мое плечо.

– А, все, вижу.

Через несколько секунд из сумки было извлечено самое настоящее богатство. Именно так бы охарактеризовала теть Мила то, что оказалось на столе. Несколько трехлитровых банок с солеными огурцами, лечо и сливовым компотом. Еще была тара поменьше с багровой, как морской закат, аджикой, кулек с антоновскими яблоками, пакет с картошкой, канистра с молоком, тюрник с чесноком. И грибы. Много грибов с липкими шляпками, на которых темнели сосновые иглы и уснувшие по осени травинки.

– Мать моя, – не выдержала я. – Это, если я правильно понимаю, плоды тяжелого фермерского труда?

– Именно так.

– Папиных рук дело?

Глеб аккуратно сложил опустевшую сумку.

– Отец живет на даче с весны до первого снега, – пояснил он. – Из всего этого, – он кивнул на кучу банок и пакетов, – только молоко он купил у знакомой, которая держит корову. Остальное делает сам: сажает, выращивает, снимает урожай, а потом закатывает в банки. Грибы тоже сам собирал. У нас еще сливы с собой были, но они во время поездки потеряли товарный вид, поэтому, простите, без них.

– Ваш папа просто молодец, – искренне сказала я. – Спа-

сибо. Нам на всю зиму хватит.

– Меня не за что благодарить, – ответил Глеб. – Я не имею ко всему этому никакого отношения. Разве что как грузчик и водитель, но всю основную работу отец делает сам. Слушайте, а где тут можно покурить?

– На лестничной площадке.

– Я быстро.

* * *

Салат, получивший новое название «Подножный корм», зашел на ура. Бутылка вина стремительно опустела. Я принесла вторую. Глеб предпочел коньяк, но пил его неспешно, и я, подумав, решила составить ему компанию. Застолье проходило легко, неловких пауз практически не возникало. Константин так и сыпал воспоминаниями из босоногого детства. Оказывается, они с тетей Милой много где побывали!

– Крым тем летом погибал от нашествия комаров, помнишь? – спрашивала она.

– Помню. Из меня высосали столько крови, сколько во мне не было, – отвечал Константин. – С нами парень один был, рыжий такой. Так вот у него даже температура поднялась после того, как его искусили.

– Гена. Его звали Гена, – кивала тетя Мила. – Аллергик. Есть фрукты, пить коктейли он не мог, а вот домашнее вино, которое мы купили в кафе, все же рискнул попробовать.

После этого он весь покрылся красными пятнами, бедняга. Интересно, как он там? Костя, вы больше не общались?

– Нет. Но слышал от знакомых, что он в порядке.

– Рада за него.

Обмен новостями продолжался долго, мы обсуждали все подробности и вспомнили множество занимательных историй. Несколько раз я ловила на себе взгляд нового знакомого. Глеб, казалось, присматривался ко мне. Расценить такой интерес можно было с разных точек зрения. Возможно, он был в курсе того, чем я зарабатываю на жизнь, и просто представлял, смогу ли я, например, уложить его на лопатки. Иными словами, он мог оценивать мою физическую форму. С другой стороны, он мог прикидывать в уме степень моей полезности обществу. Конечно, с профессиональной точки зрения. Но был и третий вариант в этом списке: я была ему симпатична, и с каждым брошенным на меня взглядом он убеждался в этом все больше и больше.

Константин Глебович не курил, а его сын в этом плане был полной противоположностью отцу: Глеб выходил из-за стола после каждого тоста, но отсутствовал недолго. Он возвращался, садился за стол, и все присутствующие несколько минут были вынуждены ловить носом табачный запах. Впрочем, его сигареты мне не казались вонючими, я знала и хуже. Один мой клиент предпочитал странного сорта сигары и утверждал, что сделаны они из отличнейшего табака, но «аромат» после них стоял невообразимый. Даже охранники

чихали.

В беседе речь постепенно зашла о современных реалиях. Константин коротко рассказал о дачной жизни, пожаловался на отсутствие устойчивой мобильной загородной связи, тетя Мила в ответ затронула тему мобильных операторов. Слово за слово – и в диалог вступил Глеб.

– В мире не всегда все гладко в этом плане, даже в цивилизованных странах, – сказал он. – Помнится, в Австралии были. Ужас! Сидим у черта на куличках, вокруг какие-то дикие леса. Один городок небольшой, в котором проездом останавливаются водители, и трасса рядом. Но связь там настолько паршивая, что даже попади ты в беду, то нет смысла и пытаться связаться с миром – не приедут. Крутись, как хочешь.

– Австралия? – не поверила своим ушам тетя Мила. – Неужели? А кем ты работаешь?

– Да там, всякими делами занимаюсь, – уклонился от ответа Глеб. – Но закончил педагогический.

– Учитель? – спросила я.

– Детский психолог.

Трудно было не заметить гордость, с какой Константин посмотрел на сына. Сам он уже успел доложить, что всю жизнь отрубил инженером в одном скучном тарасовском НИИ.

– Детский психолог, которого мотает по миру? – не отставала я. – С какой целью тебя занесло в Австралию, да еще в такие дикие места?

– Были проездом, – ответил Глеб. – Мы с ребятами проводили там отпуск. Просто колесили по стране.

– И давно?

– Пять лет назад.

– А Женя у нас тоже успела попутешествовать, – сообщила тетя Мила, молча протягивая пустой бокал Константину. Тот тут же его наполнил. – Но у нее работа такая.

– Какая это «такая»? – повернулся ко мне Костя.

– Следовать за тем, кто платит, – спокойно ответила я.

– И кто же ты по профессии?

Нет, кажется, тетя не сообщила ему о том, в какой сфере я тружусь.

– Охранником, – серьезным тоном произнесла я.

– Она телохранитель, – поправила тетя Мила. – И неплохой. Желающих видеть ее рядом довольно много.

– Сейчас я в отпуске, – вставила я. – Осталась дома, потому что здесь хорошая связь.

– Ничего себе, – проронил Глеб. – Человечество перевернулось с ног на голову: мужики нянчатся с детьми, а женщины взялись за оружие. Мир, вероятно, где-то сломался, починить бы.

– Ой, да перестаньте, – попробовала я прервать бессмысленную, на свой взгляд, беседу. – Работа как работа. Ничего страшного, ничего... такого.

Константин поднялся из-за стола и салютовал мне бокалом.

– За тех, кто в море! – провозгласил он.

– Это ты к чему, бать? – спокойно осведомился у отца Глеб.

Тетя Мила с тревогой посмотрела на Константина. И я в этот момент поняла, чего она сейчас боится. Тетушка была не слишком опытна в общении с нетрезвыми людьми. За этот вечер Костя выпил все-таки немало и теперь, достигнув нужной кондиции, мог постепенно превращаться в несущего чушь умника. Впрочем, стоял на ногах Константин твердо, лицом в тетушкино угощение не падал, говорил внятно, мысли выражал ясно. И взгляд его был совершенно трезвым.

Но все смутились, конечно. Ясность внес Глеб.

– Ты бы объяснил, что во флоте служил, – посоветовал он отцу, – и твой тост про море скрывает множество смыслов. Женя, я переведу: «За вас, девушка! Респект и уважуха!» Так?

– Я думал, меня поняли, – смутился Константин Глебович.

– Фу ты, слава богу, – огорчилась тетя Мила. – Я уж подумала, что один из нас уже не понимает, где находится. Да ну вас.

Глеб весело посмотрел на меня. Константин Глебович приобнял тетю за плечи.

– Вином меня с берега не смыть, – заметил он. – Я пить умею, хоть и делаю это редко. С сына пример беру. Он уехал от меня, и теперь все, степенным стал человеком. Приезжает,

а как будто и нет его.

– Да перестань, пап. Я тут.

– Сейчас ты тут, а завтра уже и нет тебя, – возразил Константин Глебович.

За столом повисло тягостное молчание. Глеб опустил взгляд в тарелку.

– Как там Москва? – поинтересовалась тетя Мила. – Давно я туда не выбиралась.

Глеб встряхнулся. Я с благодарностью посмотрела на тетушку. Вовремя сменить тему разговора не каждый умеет, а она просекла момент.

– Москва гудит, шумит и строится, – ответил Глеб. – Работают много, если вы об этом спрашивали. Порой голова болит по нескольку дней, вот такая вот напряженка.

– А где именно трудитесь?

– Детским психологом. Консультирую.

Он достал из кармана пачку сигарет.

– Женя, – вдруг обратился он ко мне, – не хотите прогуляться? Скучно одному.

И я вдруг согласилась. Не знаю почему. Я не курю, предпочитаю находиться подальше от всей этой дымовухи. Но сейчас согласилась.

* * *

Застолье продолжалось долго, за приятной беседой я аб-

солютно потеряла счет времени. На улице окончательно стемнело, и я удивленно посмотрела на часы.

– Ничего себе! – вырвалось у меня. – Почти одиннадцать часов. Это сколько же мы уже сидим?

– Недолго, – подсчитал в уме Глеб. – Мы пришли примерно в шесть вечера. Пока то, пока се.

Мы спустились к окну на лестничной площадке. Оно было открыто, и, несмотря на то что здесь уже несколько раз курили, воздух в подъезде все же был довольно свежим. Глеб присел на подоконник.

– Значит, телохранитель, – задумчиво произнес Глеб. – И как же тебя туда занесло?

– А тебя как занесло в детские психологи? – вопросом на вопрос ответила я.

Глеб почесал мочку уха.

– Случайно, знаешь, – ответил он. – Хотел сначала пойти на историка, а потом вдруг понял, что это не мое. Захотелось чего-то более современного. Теплового и человеческого. Вот психология подошла по всем параметрам.

– И как оно?

– Отец мной гордится, – признался Глеб, – но я ведь в профессии не остался. Консультирую иногда, но это для души. Так-то я в редакции одной славной московской газетки сижу. Правлю тексты, которые наспех сочиняют амбициозные сотрудники. Порой случаются настоящие авралы. Это когда материал нужно выпустить в самое ближайшее время,

а должным образом подготовить его некому. Тогда я начинаю выискивать «горячие» материалы и отправляю их в редакторский отдел. Сортировка, иным словом. Выживаю, как могу.

– Кого же ты консультируешь как психолог в свободное от работы время?

Я перегнулаась через подоконник, выглянула на улицу.

– У детей весьма занятная жизнь, в которой полно своих тайн, демонов и сомнений, – сказал Глеб. – Это борьба, из которой не каждый выходит победителем. У меня есть знакомые, которые не могут найти общий язык с собственным ребенком. Я им в этом помогаю. Результат, правда, от многих факторов зависит, не только от моих усилий. Приведу в пример традиционный случай: девочка двенадцати лет, несколько попыток суицида. Долго я с ней работал... Не шла на контакт, разговаривать со мной не хотела. А потом оттаяла. Оказалось, что ее прессовали везде, где только можно. В школе, дома. Представь, что у тебя нет места, где ты могла бы остаться одна, – везде кто-то тобой недоволен, учит жизни, тычет носом в ошибки. Сплошные «нельзя», «плохо» и «не можешь». Это же ад. А родители не понимали, что с ней. Вроде бы у дочки есть все, почему же она тогда хочет уйти из жизни. Но на деле весь мир ополчился против ребенка. В один момент она решила, что с нее хватит. За пару сеансов с ней я понял, что к чему. А с ее родителями я разговаривал намного дольше. Взрослые искренне не понимали, в

чем проблема. Сейчас там все в порядке, насколько я знаю. Я успел, скажем так, предотвратить самое ужасное и необратимое.

– Расскажи про самый сложный случай, – попросила я.

– В двух словах? Один пацан не верил, что я хочу ему помочь, и дал мне в зубы.

– И чем закончилось? – я напряглась.

– Двумя зубными коронками. Но я тоже успел ему ответить – заломил руку за спину, сделал больно. Если бы не его мама, которую он безмерно уважает и боится, он бы меня убил. Кстати, мама во всем разобралась без моей помощи. Очень смышленная оказалась и сильная. А я так... пару пинков дал, и все.

Вокруг стояла уютная тишина, двор тоже пустовал. Это были последние теплые выходные сезона, и люди предпочитали проводить их за городом.

– Тетя сказала, что вы скоро уезжаете, – вспомнила я. – Ты давно в Москве?

– Сразу после школы уехал.

– А папа остался здесь? Один?

– Папа тогда не был один, – нехотя признался Глеб. – Я тогда решил, что ему будет легче без меня. Мама умерла, когда мне было шесть. Всю жизнь отец посвятил мне. Никаких женщин в доме никогда не было. Разве что соседка зайдет на минуту. Может, он сам не хотел ни с кем заводить отношения, может, не получалось... Я у него не спрашивал и не

буду. И когда он однажды познакомился с кем-то, я свалил в Москву, дав ему возможность пожить для себя.

– Но у них не срослось... – поняла я.

– Это было и так понятно, не правда ли? – усмехнулся Глеб. – Хотя, наверное, такое очевидно.

– Твой папа отчаянно строил тете Миле глазки, – объяснила я. – Да и вместе с тобой в гости к давней подруге не пришел бы. Отсюда вывод: не срослось.

– И такое бывает, – произнес Глеб, – а жаль. Я успел пообщаться с той женщиной перед своим отъездом из Тарасова. Она показалась мне приятной, а еще сильной, серьезной. Подумал, что отцу подойдет такая опека. Пусть расслабится, пусть даст себе возможность отдохнуть от вечного контроля за сыном. Но вышло иначе – стали контролировать его, и Константин Глебович не выдержал.

– Черт, жаль-то как...

Глеб замер, быстро приложив палец к губам.

– Что такое? – удивилась я.

– Стой на месте, – приказал он и бесшумно соскользнул с подоконника.

Я прислушалась. Глеб медленно спустился по лестнице. Что происходило дальше, я не слышала, поэтому решила аккуратно последовать за ним.

– У тебя все в порядке? – вдруг услышала я голос Глеба. Судя по всему, он разговаривал с кем-то, находящимся этажом ниже. Ответа на вопрос не последовало.

– Не бойся, – попросил Глеб. – И не молчи, ладно?

Я спустилась по лестнице и увидела Глеба, сидящего на корточках. Того, с кем он вел диалог, почти не было видно.

– Это Женя, – спокойно произнес Глеб и посмотрел на меня через плечо. – Живет в этом доме. Ее тоже можешь не бояться.

И я увидела того, к кому обращался Глеб. В углу, в темноте, прямо на полу сидел подросток. Рядом с ним лежал полупустой рюкзак.

Лицо мальчишки я сначала не разглядела, а потом глаза привыкли к темноте.

– Артем! – ахнула я.

– Твой знакомый? – спросил Глеб, поднявшись на ноги.

– Конечно, знакомый, – улыбнулась я и подошла к мальчику. – Ты чего в подъезде сидишь? Жить теперь тут будешь?

Артем посмотрел на меня снизу вверх. Его лицо было совершенно спокойным. Потом он перевел взгляд на Глеба. Потом снова на меня.

Я решительно протянула ему руку.

– Вставай, – потребовала я. – Простудишь наследство, по врачам затаскают.

Он ухватился за мои пальцы, встал, отряхнул джинсы, набросил на плечо рюкзак и торопливо направился к лестнице.

Артем Кормухин был сыном моих хороших друзей. Его мама Юлька и папа Антон – это молодые и бесшабашные

люди. Они умеют справляться с трудностями, не впадая в панику, поэтому даже с родительскими обязанностями они справлялись с радостью и легко. Кормухины жили в соседнем доме. Антон занимался какими-то мелкими поставками, а Юлька была программистом, и весьма неплохим. Имея кучу знакомых за пределами Тарасова, она иногда помогала им разобраться с компьютерными проблемами, не покидая собственную квартиру, но иногда что-то шло не так, и ей приходилось разбираться с ними на месте. В таких случаях Юлька отваливала в командировку. Командировки у Юльки могли быть в любую точку мира, и 2–3 раза в год она на неделю или больше покидала родной дом и отбывала в очередную светлую даль. Муж Юлю к работе не ревновал, она очень хорошо зарабатывала. Никто ни о чем не жалел, всех все устраивало, за исключением, пожалуй, того, что Юлька нечасто бывала дома.

Артем – единственный ребенок в семье Кормухиных. Кажется, Юлька и Антон больше и не планировали. А на данный момент отсутствие еще одного ребенка не было им на руку: сын, пока мама уезжала по работе, оставался один на один с отцом, а два мужика, живущие в одном помещении, не всегда могут найти общий язык. Юлька несколько раз рассказывала мне о том, что они с Антоном не могут найти общий язык с сыном. Подступал переходный возраст, и Артем часто вел себя не очень адекватно: спорил с родителями на ровном месте, мог нахамить кому-то в школе. Дважды был

застукан с сигаретой и банкой пива. Вот-вот – и начнутся разговоры о том, что школа – отстой, люди – быдло, жизненные ценности поросли плесенью, а понимания тонкой душевной организации как не было, так и нет.

Увидев Артема на лестничной площадке, я сразу поняла, что дело пахнет керосином. Во-первых, он заныкался в темный угол. Во-вторых, сидел прямо на полу – значит, не до выбора места почище. В-третьих, пацан выбрал внеурочное время для одинокой поздней прогулки по чужому подъезду. Что-то тут было не так. Когда мы нашли Артема и я ему дала руку, чтобы подняться, он убежал от нас, да еще и с видом человека, который не желает общаться с окружающим его миром.

Мы с Глебом переглянулись. Он вопросительно вскинул бровь. Мол, что? Так и отпустишь?

– Торопишься куда-то? – бросила я в спину уходящего Кормухина-младшего. – А поговорить?

Он молча продолжил спускаться.

– Артем! – позвала я.

Глеб тронул меня за руку.

– Не надо, – тихо попросил он, – пусть идет.

В другой раз я бы, наверное, не стала вмешиваться. Согласилась бы. Ну а что? Пусть идет. Действительно, чего я привязалась? За час по полуночи случайно обнаруженный на лестничной клетке ребенок, с которым мы знакомы, уходит в ночь, не сказав мне ни слова. Что же тут такого? Пусть

идет. Пускай.

– Я не знаю, что ты за психолог, – сказала я Глебу, – но лучше я сама разберусь. Возвращайся за стол, а я скоро буду.

Тут я поймала себя на мысли, что дверь подъезда так и не открылась. Ну не услышала я этот звук, хотя должна была. А ведь Артем, по сути, уже должен был дойти до первого этажа и непременно ею воспользоваться.

Я взглянула на Глеба. Он отстранился от меня и стал подниматься на мой этаж. Неужели действительно решил вернуться в квартиру и сесть за стол?

Я услышала, как открылась и закрылась дверь в квартиру: Глеб все-таки сделал свой выбор, решил оставить меня одну.

– Артем, ты еще тут? – громко спросила я, перегнувшись через перила. – Ты помнишь, где я живу? Просто позвони, я открою. Просто позвони!

В ответ я не услышала ни звука. Только тишину. И негромкую музыку откуда-то с улицы.

* * *

Глеб положил себе на тарелку остатки картофельного пюре. Сдобрил его ломтиком соленой семги. Подумав, потянулся за укропом и помидорами.

Тетя Мила и Константин, казалось, сдвинули стулья, чтобы быть ближе друг к другу. Оба были совершенно трезвы.

– Ну что же, – произнес Глеб, – надо бы на дорожку, пап.

Как думаешь?

– Время детское, сын, – прогудел Константин Глебович.

– Не сказал бы, – не согласился Глеб. – Как ты себя чувствуешь? День-то был суматошным. Да и девушки, наверное, утомились: видишь какую поляну развернули, а еще убираться.

– Все нормально, – утвердительно качнул головой старый друг тети Милы, даже не покосившись на нее.

Константин Глебович действительно не выглядел усталым. Тетя тоже вела себя бодро.

– Жаль, – вдруг задумчиво произнесла она. – Жаль, что быстро прошло время. Уже стемнело, гляньте-ка. Вы устали, наверное?

– Я? Нет! – горячо заверил ее Константин. – Я вообще огурец. А вот насчет других ничего сказать не могу.

– Я в порядке, – заверил его сын. – Мне кажется, что Женя тоже в силах продолжить.

И он посмотрел на меня с самым заговорщицким видом.

– Так о чем я?.. Я хочу произнести тост за равнодушных людей.

Он на полном серьезе собирался продолжать выпивать. Отвинтил крышечку с бутылки, наполнил коньяком мою рюмку. Не забыл и про себя. Вышел из-за стола, задумался.

Я смотрела на этот спектакль. Ну, давай, Глеб Константиныч. Жги. Равнодушные – это прямо твоя тема.

– В прошлом году я был в Лондоне, – начал он, – и там

случайно познакомился с девушкой. Дело было в пабе, вечер пятницы. Город отрывается, народу кругом полно, но я заметил только ее и подсел к ней.

Тетя Мила и Константин, заслушавшись, прильнули друг к другу, как голуби в мороз.

– Она казалась расстроенной. Тогда я спросил ее: «Почему вы грустите?» Она ответила: «Болит голова. Кажется, я простудилась». Мне нечем было ей помочь.

– Боже мой... – голос тети Милы дрогнул. – И что же было дальше?

Глеб поднял рюмку.

– Я не знаю, я ушел. Но сейчас действительно хотел бы выпить за равнодушных людей. Иногда нужно всего лишь сказать кому-то два или три слова, дав понять, что ты видишь, насколько ему тяжело. Этого достаточно.

Я не стала пить. Тост получился идиотским. Подводка к нему – не лучше. Перед глазами стояло лицо Артема. Почему он не стал со мной разговаривать? Он ведь меня узнал, я часто бывала у него дома и общалась с родителями, он не мог перепутать меня с другим человеком. Сам Артем с родителями тоже гостил у меня. Почему я не пошла за ним? Могла же выяснить, что произошло. Даже если ничего страшного не случилось. А вдруг случилось?

Зазвонил мобильник. Это был Антон Кормухин.

– Надеюсь, не разбудил? – напряженным голосом произнес он.

– Нет, ты что? Рано спать еще, – возразила я. – Ты насчет Артема?

– Да.

– Подожди, давай встретимся на улице, около детской площадки.

Извинившись перед гостями, я взяла ключи от квартиры и открыла входную дверь. С телефоном около уха я снова вышла на лестничную площадку. Остановилась перед пролетом, прислушалась. Ни звука. Спустившись на первый этаж, я вышла на улицу и пошла к соседнему дому.

В это время Антон должен был производить те же действия, только двигаться мне навстречу.

Он выглядел очень встревоженным и злым одновременно. Пнул ногой камень, нехстати попавший под ботинок.

– Ничего? – спросил он, убирая телефон.

– Ничего, – ответила я. – В подъезде пусто, рядом с домом тоже никого нет.

– И я не нашел, – пробормотал Антон. – Всех на уши поднял. По нулям.

– И многим позвонил?

– Ну, всем, кого вспомнил. Это Юлька у нас общается с другими родителями или учителями, но несколько номеров и у меня сохранились.

Теперь стало понятно, почему Антон позвонил мне. А я-то ломала голову.

– Расскажи, что случилось, – попросила я.

– Да блин!

И понеслась. Кормухина рвало на части. Оказалось, что Юля неделю назад умотала в Ямало-Ненецкий автономный округ, где открылся новый торговый центр. Местные программисты справились бы и сами, но владельцу торгового центра порекомендовали подстраховаться и вызвать некую волшебницу из Тарасова, которую ему когда-то порекомендовал знакомый. Юлька согласилась помочь, пообещав семье не задерживаться. Однако что-то пошло не так, и командировка затянулась.

– Значит, вы снова с Артемом остались одни, – поняла я. – Что-то не поделили, что ли? Ты прости, что я так в лоб спрашиваю, но мне нужно знать. На всякий случай.

– Не поделили? – переспросил Антон. – Нет, все у нас нормально... было.

– Было, – повторила я. – Ага. Вот оно в чем дело.

– Именно в этом. Он стал врать, понимаешь?

– Да ладно, все врут.

«Ну, соврал. Не такая уж и беда, – подумала я про себя. – Пацаны в его возрасте часто обманывают. А взрослые иногда вообще врут на каждом шагу, приходится. Порой не соврешь – не выживешь. Хотя...»

– Я не знаю, с какой целью он это делает, – раздраженно продолжал Кормухин. – Для чего-то, вероятно. Но мне не понять. Я же в его глазах выгляжу тупым придурком. А главное, знаешь что? Раньше с ним такого не было. Ругались, ко-

нечно. Руку на него как-то даже поднял, когда он свою химичку при всем классе назвал «собака сутулая».

– Господи, – произнесла я, изо всех сил стараясь не улыбаться. – Какой ужас. Как же так можно на педагога-то?

Губы Кормухина тоже дрогнули в улыбке, которая тотчас испарилась.

– Хамло он, вот что я тебе скажу. И возраст ужасный. Но та химичка, если честно, не только его достала. Издевалась над детьми просто так. Если у нее болит голова, значит, всем должно быть плохо. Юлька общается с родителями, она рассказывала, что учительница совсем озверела за последнее время. Правда, сын первый и, подозреваю, единственный, кто ей ответил. До этого все молча сносили оскорбления. Годами она себе позволяла унижать детей, и все почему-то молчали. А наш не выдержал. Разумеется, получил по ушам от всех, кто смог до него дотянуться. Еле уладили конфликт.

– Ему всего двенадцать, – напомнила я. – Сбрасывает с себя все лишнее, чтобы стать человеком. Никто еще не сумел этого избежать. У него возрастная ломка. Не гони на ребенка, папаша.

– Но такого масштабного вранья в нашей семье еще не было, – возмущенно прошептал Антон.

– Прямо уж и масштабного, – не поверила я.

– Да фигня какая-то... Он на днях пришел в полицию и заявил, что стал свидетелем убийства. Самого настоящего.

Назвал место, описал там все... Видел, говорит, как вчера один мужик грохнул другого, а потом его тело в реку сбросил. На набережной все это было, да еще глубокой ночью. Полицейские у него спрашивают: «Ты зачем на набережную ночью поперся?» А он отвечает: «Это к делу не относится». И сказал еще, что они прямо сейчас обязаны проверить поступивший к ним сигнал.

– Серьезно? Так и сказал? – улыбнулась я.

– Нет, шучу! – рывкнул Антон. – Герой паршивый. Ты думаешь, что он такой вот весь из себя милый мальчик? У Юльки спроси, она расскажет, во что он превратился.

Артема я знала давно, и Юлька никогда на него не жаловалась.

– Ты точно не преувеличиваешь? – осторожно спросила я. – Нет, я верю, верю. Но иногда мы просто раздуваем из мухи слона.

– Не раздуваю я, – обозлился Кормухин. – В общем, добился он своего, полиция поехала по его наводке. Они обшарили все и, конечно, ничего не нашли. Артем обиделся на них и ушел. А сегодня вечером мне на смартфон прилетел звонок из полиции, с которой у нас состоялся весьма неприятный разговор. Мне ласково сообщили, что штрафанут за ложный вызов, потому что мой сын Артем Кормухин – чертов пранкер¹!

¹ Тот, кто разыгрывает. От англ. – prank, что значит «проказа, выходка, шалость, розыгрыш, шутка».

Он достал из кармана мобильник, ткнул пальцем в экран и приложил его к уху.

Я поняла, каким было продолжение. Скорее всего, Антон после разговора с полицией не стал разговаривать с сыном спокойно и терпеливо. Да и не каждый сдержался бы на его месте. Наверняка разразился скандал, после которого мальчишка просто-напросто рванул из дома. Я еще раз осмотрелась. Покинув мой подъезд, он мог уйти куда угодно, но я все же надеялась увидеть его где-нибудь неподалеку. Если он скрывался в моем доме, значит, он не ставил цель сбежать из дома. Нет, он просто искал убежище неподалеку. Ему необходимо было переждать бурю.

– Не отвечает ведь, говнюк, – в сердцах пробормотал Антон.

– И не ответит, – сказала я, – позвони Юльке.

– Зачем? – напрягся Антон. – Ей-то зачем об этом знать?

– А если сын не вернется?

Антон смерил меня ошарашенным взглядом.

– Офигела? Вернется.

– Позвони Юльке, – повторила я. – И доверься мне.

– Да не буду я! – уперся Антон.

– Твой сын у тебя за спиной.

Кормухин-старший резко обернулся. Артем уже несколько минут стоял возле детской площадки, почти сливаясь со стволом старого дуба, и к нам подходить не собирался.

– Черт, – выдохнул обессиленный отец и согнулся, упира-

ьясь ладонями в колени, словно после быстрого бега. – Убью его сейчас.

– Позвони жене, пожалуйста, – снова попросила я. – Или дай телефон мне.

– Зачем?

– Позвони. Я свой дома оставила.

Он молча протянул мне мобильник. Видимо, на возражения и расспросы у него не было сил. Кроме того, Антон знал, что я не собираюсь его сдавать. И жаловаться не стану – с какой стати? Их семейные дела меня, конечно, касаются, но только косвенно, потому что они мои хорошие знакомые. Стучать на папу и ребенка я уж точно не стану. Сами расскажут.

У меня было предложение к моей знакомой, и что-то мне подсказывало, что Антону эта идея не понравится.

Подруга ответила сразу же.

– Привет, Тош. Как вы там? – раздался ее довольный голос.

– Да ничего, – ответила я. – Гуляем вот. Я, твой муж и твой сын.

– Вы кто? – обалдела Юлька.

– Твоя подруга, – рассмеялась я. – Женя.

Юлька кашлянула.

– Почему ты звонишь мне с номера Антона?

– Потому что есть разговор, – понизила я голос и отошла в сторону.

Мне пришлось долго объяснять Юльке, что произошло, и далеко не все, что она услышала, было правдой.

– Твои поссорились из-за какой-то ерунды, – вдохновенно втирала я, – и я вот о чем подумала: Антона ведь целыми днями дома не бывает, так?

Но Юльку не так-то просто было «усыпить».

– Из-за какой ерунды они поссорились? Что случилось? С чего вдруг такие вопросы, Жень? Передай трубку Антону, пожалуйста.

– Передам через минуту, – понизила я голос. – Но сейчас между ними завязался непростой мужской разговор, и я бы хотела дать им несколько минут. Все живы, Юль, все здоровы. Но что-то не поделили.

– И сразу же помчались к тебе за помощью и советом? – с подозрением в голосе спросила Юлька.

– Не помчались. Сама случайно их встретила.

Что бы там ни говорил Антон Кормухин, а ложь все же иногда необходимо использовать в жизни. Во благо.

– Они опять поссорились, да? – обеспокоенно спросила Юлька.

Я решила, что свой собственный лимит неправды на сегодняшний день я уже исчерпала.

– Да, – призналась я. – Сразу скажу, что я не собираюсь выступать ни в роли обвинителя, ни в роли защитника.

– Не выступай, – разрешила Юлька. – Я и сама устала метаться между ними.

– Ну как? Рассмотрись мое предложение?

Юлька замолчала, и я примерно представила, что творится у нее в голове: двое не самых спокойных мужчин, муж и подрастающий сын, оказались в эпицентре бури, а того, кто, судя по всему, поддерживал баланс в их отношениях, рядом не оказалось. Задача перед подругой стояла сложная. Я решила напомнить ей о том, о чем шла речь.

– Артем побудет у меня до твоего возвращения. Или вернется домой раньше, если сам захочет. Ты говорила, что Антон загружен делами, сына видит редко. Устает после работы, все такое. Устроим ему отдых, а Артему каникулы.

– Ну... – забуксовала Юлька, – работой Антон сейчас правда загружен. Даже на меня порой может зарычать. Но Артем не брошен. Я только потому и уехала, что за дом спокойна. Знала, что мои мужики голодными не останутся. Но вот... дело-то, оказывается, не в том, полный ли холодильник...

По тону я поняла, что она совсем расклеилась.

– Понимаю, – согласилась я. – Видно, сегодня нашла коса на камень. Они что-то не поделили дома, и Артем пришел ко мне.

– Зачем пришел? – тут же вскинулась Юлька. – Что они не поделили-то?

– Они не докладывали. Но думаю, твой сын решил свинтить из дома, – ответила я. – А так как делать это в первый раз страшновато, то он направился туда, где ему все бо-

лее-менее знакомо – в мой подъезд.

– Скажи мне еще раз, они в порядке? – спросила Юлька.

– Они оба в норме, – уверила я ее. – Но настроение что у первого, что у второго – не айс.

– Я так боялась этого, – забормотала подруга. – Блин, так просила их держать себя в руках...

Я молчала. Семейная ссора только со стороны кажется обычным конфликтом. На деле же это каждый раз удар под дых.

Юлька, кажется, взяла себя в руки.

– Слушай, – решительным тоном заявила она, – я не очень тебе верю, ты уж прости. Думаю, ты покрываешь их и не говоришь мне всего. На самом деле все, наверное, очень плохо. Я видела, каким становится Антон, когда его что-то не устраивает. И я объективна к поведению сына, потому что в последнее время он может довести до белого каления любого. Уже и до учительницы добрался.

Я вспомнила про сутулую собаку. Что ни говори, но язык у Кормухина-младшего был всегда подвешен.

– Поэтому твое предложение пока не принимаю, – закончила Юлька.

– А разъехаться им никак? – предположила я. – Бабушки, дедушки, крёстные?

– Не вариант, – отмела мое предложение Юлька. – Да и не выход. Надо это как-то пережить всем вместе. Мы же постоянно учимся понимать друг друга... Черт. Мне что, воз-

вращаться теперь?

Она окончательно расстроилась. Я посмотрела в ту сторону, куда ушел Антон. Он стоял рядом с сыном, засунув руки в карманы. Мальчик держал спину прямо и старался не смотреть ему в глаза. Кажется, переговоры зашли в тупик. Все говорило о том, что перемирие откладывается.

– Пусть Артем поживет у меня пару дней, – повторила я. – У меня сейчас отпуск. Тетю Милу он тоже знает. Скучать не будем. Антон неспроста пришел ко мне. Может, ему спокойнее рядом с кем-то, не чужим.

– Да нет, – неуверенно произнесла Юлька. – Ну, с какой стати, Жень?

– Пусть твои отдохнут друг от друга, – продолжила я чуть увереннее. – Я же не чужая вам. Пауза всем нужна. А я нянька неплохая, ты же знаешь.

Юлька молчала. Кажется, теперь она решила все-таки рассмотреть вариант с временным переселением Артема ко мне. Предложение следовало обдумать, посоветоваться с мужем, поговорить с сыном, а уже потом принять решение. Я не стала торопить. Просто сказала Юльке, что подожду, и вернула мобильник Антону.

Ох, как он сопротивлялся. Чего мы только с Артемом не слышали в этот вечер!

– Ты совсем сдурела, что ли?! Не доверяешь мне? Нет, нет и нет! Ничего не знаю, пусть подстраивается! И тебе бы лучше поменьше валандаться по командировкам! Я что, по-

твоему, такой хреновый отец?

Я тронула Артема за плечо.

– Знаешь, почему они ругаются?

– Понятия не имею, – буркнул пацан.

– А я тебе скажу. Тебя делят.

Он молча уставился себе под ноги.

– Слушай, – не отставала я, – если они договорятся, то поживешь у меня до приезда мамы? Или сколько там получится.

– А если не договорятся?

– А если не договорятся, то все равно приходи. Только не сиди больше в одиночестве между этажами. Хорошо?

– Я им надоел, я знаю, – вдруг выдал Артем. – Я всем надоел.

Такого откровения я не ожидала. Сразу вспомнился рассказ Глеба о детях, которые считают себя никому не нужными. Я не думала, что столкнусь с подобной ситуацией нос к носу. Стало по-настоящему страшно. Рядом со мной стоял маленький человек, который был гораздо ниже ростом, но носил на сердце огромный камень и, возможно, хотел бы избавиться от него, но не понимал, как это сделать. Помощи от мамы и папы не было – оба изо всех сил пытались жить правильно, заботиться, но получалось у них не очень. И куда Артему теперь деваться?

Я не знала, каким будет финал этого дня, если Артем вернется домой. Возможно, отец продолжит его воспитывать,

и последствия будут непредсказуемыми. Или Юльке удастся успокоить мужа и как-то помирить своих мужиков. Внутренний голос мне подсказывал, что я должна вмешаться.

Антон подошел к нам и сунул трубку в руку сына.

– На. Мама хочет сказать тебе пару слов.

Артем взял телефон и отошел в сторону. Пока он что-то тихо отвечал Юльке, Антон успел сообщить мне новости: он согласен отдать сына на ночь мне и тете Миле. Но только на одну ночь.

– Что за манера вообще уходить из дома? – не понимал он. – Так можно отвыкнуть справляться с трудностями.

– Ты бы воспользовался моментом и отдохнул бы хорошенько, – посоветовала я. – Юлька сказала, что ты много работаешь. Даром это не проходит. Родители на нервах, в школе переживания, и в итоге Артем ушел из дома. Не из-за тебя, – поспешила исправиться я, – а из-за того, что сам устал находиться в постоянном стрессе. Знаешь, что сейчас сказал мне твой сын? Он сказал, что всем надоел. И почему он так решил, а?

Антон мрачно взглянул на меня. То ли я его стала раздражать, то ли оказалась права – непонятно. Но одно было ясно: ему не нравилось, что в дела его семьи вмешиваются посторонние люди.

Сын снова передал трубку отцу. Начался второй этап выяснения отношений. Мы с Артемом смиренно стояли в сторонке и ждали, пока его родители повоюют по телефону.

Правда, в этот раз Юлька говорила одна, а Антон слушал и не перебивал.

– Ладно, – вдруг произнес он. – Ладно, говорю! Отдыхай. Все будет хорошо. Утром созвонимся. Да, соберу. Передам. Да. Да. Пока.

Он убрал телефон и подошел к сыну. Я отошла в сторону, дав понять, что приму любое их решение.

– Я из дома тебя не выгоняю, – услышала я спокойный голос Антона. – Но мама уверена, что нам с тобой пойдет на пользу небольшой перерыв в общении. Я с ней не согласен, но, кажется, я в меньшинстве. Если хочешь, то можешь переночевать сегодня не дома.

– Я бы попробовал переночевать не дома, – с сарказмом произнес Артем. – Спасибо за предоставленную возможность... папа.

Стало понятно, что вот-вот запахнет жареным.

– Так, – весело заявила я, – вопрос наконец-то решен, это хорошо. Артем, гоу² ко мне. Ты из дома ничего взять не хочешь?

– Не хочу.

– Вот и славно.

И я пошла к своему подъезду. Артем плелся позади. Я знала, что Антон стоит на месте и смотрит нам вслед.

Через полчаса мы с Артемом сидели за накрытым столом и доедали салат двумя ложками прямо из салатницы. Ока-

² Пойдем.

залось, что оба сильно проголодались. Гости разошлись, в квартире, кроме нас, никого не было.

Глава 2

Тетя Мила вернулась через час после нашего с Артемом прихода. Она сбросила с себя туфли, сняла узкую юбку, переделалась в домашнее и упала в кресло.

– Это было нечто, – заявила она и осмотрелась. – Спасибо за то, что навела порядок. Я бы драила это до рассвета.

Пока тети не было, я успела убрать со стола, разложить остатки еды по контейнерам и отправить их в холодильник. Посуду тоже помыла. А потом мы с Артемом дружно вынесли мусор.

– Проводила мужчин до остановки, – сказала тетя Мила. – Сначала хотели ехать на автобусе, потом передумали. Долго ждали такси, потом прощались... Глеб просил передать тебе привет. Ты куда ушла, кстати?

Тетя Мила привыкла к моим неожиданным исчезновениям. Если Женя только что была на виду, а потом пропала, значит, так надо.

– Да было одно срочное дело, – объяснила я. – Уже решили.

– Я так Глебу и объяснила. Он подумал, что это как-то связано с твоей работой.

– Да, отчасти.

Горячий чай на ночь еще никому не помешал. Мы с тетушкой налили себе полные кружки напитка и решили от-

дохнуть после напряженного дня.

Настало время рассказать ей о произошедшем вечером. Новость о том, что теперь в нашем доме будет жить мужчина, ее не обескуражила.

– Им просто повезло с тобой, – сказала тетья, имея в виду Кормухиных. – И мальчишке тоже подфартило. Ему же у нас нравилось, кажется?

– Нравилось. У нас он был счастлив.

Артем уже ночевал у нас. Только было это много лет назад, когда его еще водили за ручку в детский садик. Тогда Юлька затеяла ремонт и выбрала жутко вонючую краску. Когда стало понятно, что ребенок в условиях химической атаки существовать не сможет, а от вонищи так скоро не избавишься, Артема было решено переселить к нам. Маленький Кормухин провел в этом доме четыре дня и вел совершенно разгульный образ жизни: просыпался в полдень, ложился спать в час ночи, уминал на обед печенье с газировкой и черный хлеб со смородиновым вареньем. Тетья Мила разрешала ему абсолютно все, а я, полностью отдав ему кровать, спала на самом краю.

Его маме мы, разумеется, не стали рассказывать подробностей. Артем сам нас сдал со временем, и Юлька, к счастью, отнеслась к его рассказам спокойно.

– Только теперь спальное место у него отжать не получится, – сказала я тете Миле. – Этой ночью пусть спит на моей кровати, а завтра переберется на раскладушку. Но, блин, как

же я устала. Я пойду, если позволишь. День был непростым для всех, согласишься?

* * *

Утро оказалось совсем не добрым. Сначала я заметила, что Артем выглядит слишком бледно, затем он отказался от завтрака, а потом пожаловался на головную боль.

– Родной, да ты горишь, – ахнула тетя Мила, приложив ладонь к его лбу. – Жень, принеси градусник.

Температура оказалась не очень высокой, тридцать семь и три, но Юльке об этом я сообщила сразу же. Я думала, что она прикажет сыну вернуться домой, но Юлька отреагировала на новость вполне спокойно.

– Ну ты подумай только, а? – только и сказала она. – Наверняка хватанул чего-то холодного. Дай-ка ему трубку.

Вскоре мы с тетей Милой узнали, что ангина – «любимая» болезнь Артема. Вчера днем он действительно выпил бутылку ледяной воды, а поздно вечером угостился мороженым. Вот и последствия.

– Если горло заболело только сегодня утром, то можно затормозить процесс, – принялась учить меня подруга. – Дома у нас есть таблетки, а еще специальный спрей. Артем знает, что и в каком количестве принимать. Ты, кстати, знаешь, что ангина заразна?

Я была в курсе, конечно. Тетя Мила тоже.

– Ему лучше вернуться домой? – спросила я. – Ты про это?

– Думаю, да.

Но перебираться домой Артем категорически отказался. Сказал матери, что сам ходит за лекарствами, но потом вернется к нам. Юлька же была против того, чтобы он рассеивал заразу в чужой квартире.

Заразиться я не боялась, но не знала, как лучше поступить. И тетя Мила, которая до этого момента только наблюдала за всей этой ситуацией со стороны, вдруг решила взять ситуацию в свои руки. Она поговорила с обеспокоенной мамой и сумела убедить ее в том, что болеть у нас дома тоже можно. Тем более что Антон все равно не смог бы присматривать за сыном из-за большой нагрузки на работе. Отсюда вывод: горло мы ему вылечим сами. И за тем, чтобы Артем выполнял домашние задания, тетя Мила проследит лично, а если он не захочет выздоравливать, забросит учебу и станет валять дурака, то мы об этом незамедлительно сообщим родителям.

Таким уверенным тоном тетя Мила на моей памяти еще ни с кем не разговаривала. Мы с Артемом заинтересованно следили за ней и происходящим. Тетушка разошлась не на шутку. Интересно, с чего бы вдруг такая прыть? Чуть позже я попыталась выяснить у тети Милы причину такого яростного желания оставить Артема.

– Мне стало его очень жалко, – призналась тетя Мила. –

Он лежал в постели такой слабенький.

– Прямо уж и слабенький, – усомнилась я. – По-моему, ты преувеличиваешь.

– Может, и так. Каждый видит свое, – поспорила тетя. – Или видит то, что хочет видеть. Даже не знаю, как это объяснить. Но ты ведь не станешь отрицать, что мальчик совсем не хочет жить под одной крышей с отцом?

С последним аргументом тети Милы спорить было трудно. Видимо, Юлька просто всего мне не рассказала. Не стала выносить сор из своей избы. Или отложила на потом.

– Не говори так! – я попыталась сопротивляться словам тети. – Они все хорошие ребята. Просто Артем растет, и в какой-то момент конфликт отцов и детей возникает на ровном месте.

– Пусть так, – вдруг легко согласилась она.

Больше эту тему я обсуждать не хотела. И так было понятно, в чем дело. Тетя Мила хотела заботиться о ком-то, а мне столько внимания, как раньше, уже было не нужно, потому что я выросла и доказала, что могу покинуть семейное гнездышко. Артем же подвернулся весьма кстати и стал объектом повышенного тетушкиного внимания вместо меня.

Вскоре после приезда он был по самые уши закормлен, а еще укутан и залечен. Иными словами, парень просто тонул в любви и заботе, которыми его окружила тетя Мила. Когда же она уходила, Артем утыкался в свой ноутбук. Окончательно убедившись в том, что я ему ничего не должна, я

покинула свою спальню и прикрыла дверь.

Тетя Мила разговаривала по телефону и вид при этом имела самый что ни на есть расстроенный.

– Я бы с удовольствием, но не смогу, – убеждала она телефонную трубку. – Изменились обстоятельства. Что «как»? А вот так! Резко. Вчера ночью после вашего ухода и изменились. Не могу. Придется отменить. Нет, не знаю. Даже близко не могу сказать, когда получится вырваться.

Понятно. Константин Глебович и тетушка, видимо, вчера построили великие планы на ближайшие дни. Наверное, предвкушали отдых наедине друг с другом. Но жизнь – штука суровая и хитрая. Она за одну ночь подбросила тете ребенка. В прямом смысле. О каком randevу может идти речь, если теперь у нее в доме семеро по лавкам?

Я изобразила жест, который предлагал тете на секунду отвлечься от разговора. Прижав трубку к груди, она посмотрела на меня крайне нетерпеливо.

– Идите туда, куда и собирались, – сказала я.

– Не болтай ерунды, – прошептала тетя Мила. – Малыш болен.

– Малыш?.. Теть Мил, я тебя прошу. С малышом останусь я.

– Нет, – не раздумывая, отказалась от моего предложения тетя.

Я успела перехватить ее руку, которая уже подносила телефон к уху.

– Что «нет»? Артем в порядке. Он не стонет, не требует вызвать священника и не истекает кровью.

Тетя Мила рассерженно высвободила руку. Такие, как она, детей не бросают.

– Костя, – решительно сообщила она собеседнику, глядя мне прямо в глаза, – к сожалению, я не могу тебя порадовать. Сходите куда-нибудь с сыном, он ведь скоро уедет, Костя.

Я покачала головой. Тетя отлично вжилась в роль супруги Штирлица, которая не может обнять его при встрече, чтобы не увидели враги. Несусветные страдания из-за приболевшего «малыша».

На пороге комнаты появился Артем.

– Что тебе, деточка? – тут же спохватилась тетушка.

– В туалет иду, – настороженно ответил Артем. – А что?

– Живот болит? – опасливо спросила тетя Мила.

– Нет, – ответил Артем.

– А то, если болит, то у меня найдется в аптечке кое-что, – с пониманием в голосе сообщила тетя Мила.

– Нет, спасибо, не надо, – Артем почесал кончик носа и хотел было уйти, но тетя его остановила.

– Тебя не тошнит?

– Не тошнит.

– Точно?

– Точно.

– Что ты хочешь на завтрак?

– Да я пока есть не хочу.

Этот допрос с пристрастием слышал, разумеется, и бедный Константин Глебович. Тетя Мила совсем о нем забыла. Я посмотрела на Артема, во взгляде которого читалась просьба о помощи. Нужно было срочно спасти положение.

Я отступила в сторону, дав пацану возможность беспрепятственно пробраться к туалету.

– Спасибо, – смущенно пробормотал он, проходя мимо.

Тетя Мила тревожно смотрела ему вслед.

– Я тебе вот что скажу! – настойчиво сказала я. – Составь Константину Глебовичу компанию. Или мы поссоримся!

Последнее вполне могло стать правдой. Тетю порой заносило в какие-то крайности. Бывает, что людьми овладевает идея фикс. Так случилось и с тетей Милой, теперь все окружающие стали вынужденными рабами ее придуманной проблемы. Сейчас тетушку можно было, конечно, понять, но с каждой минутой ее несло все дальше и все быстрее. Даже мне, которой, казалось бы, можно давно было привыкнуть к таким ситуациям, иногда становилось душно от заботы близкого человека. И если я хотя бы могла намекнуть на то, что я давным-давно выросла, то Артем такого себе позволить не мог, потому что был хорошо воспитан.

Увидев мой серьезный взгляд, тетя Мила, кажется, поняла, что перегнула палку.

– Хотя знаешь, Костя, – немного неуверенно произнесла она в трубку, – а давай! Во сколько мы там хотели? Значит, до выхода у меня есть около часа. Спасибо. Жду.

И весь этот час мы послушно и организованно молчали. Артем все так же торчал в Интернете, я отдыхала в кресле, а тетя с гордым видом шастала по квартире туда-сюда, подбирая для себя модный наряд.

– Куда собираетесь? – не выдержала я.

– Куда-нибудь, – неопределенно ответила тетя.

– В парке, наверное, классно, – представила я и улыбнулась. – Последние теплые деньки. Пользуйтесь.

– Не знаю, не знаю...

– А чего тут знать-то?

Тетя Мила остановилась рядом с креслом. Я подняла голову и рассмотрела ее великолепный макияж.

– Не злись, – попросила я. – Денег дать?

– Есть у меня все.

Считай, помирились.

Через несколько минут тетя упорхнула из дома в объятия старого друга, который заехал за ней на такси и ожидал возле подъезда.

А мы остались с Артемом дома.

* * *

Первым делом я пристала к нему, чтобы узнать, не нужно ли ему чего-то такого. Во время болезни порой хочется, знаете ли. И нет нужды отказывать себе в причудах, лежа на больничной койке.

Но Артем оказался неприхотливым: не хотел есть и не желал чего-то «вынь да положь». Он просто сидел на моей кровати и покидать ее не собирался. Хотя меня это не очень устраивало.

– Ты тут не привыкай, – заметила я, усаживаясь на пол в пока еще своей комнате. – Раскладушку тебе поставлю, будешь спать в углу.

– В каком? – обвел он взглядом комнату.

– В любом свободном.

Я совершенно не хотела делить свою территорию с кем-то малознакомым, будь то старик, домашнее животное или ребенок. Но наши желания иногда идут вразрез с тем, что случится так или иначе.

– Буду жить там, где скажете, – вдруг тихо сказал мальчик, сосредоточенно всматриваясь в экран ноутбука. – Домой не вернусь.

– Тебя никто не выгоняет.

– Спасибо.

Я и не предполагала, что этим утром мне придется решать проблему отцов и детей. Но Артем был моим старым знакомым и просто отмалчиваться не получится.

– С отцом совсем не ладится? – тихо спросила я.

Артем старательно закрывался от меня и не искал контакта.

– Эй, я в душу не лезу, – осмелела я, – но посуди сам...

– Мы часто ссоримся, – со вздохом произнес мальчик. –

Он орёт, если мамы нет рядом.

– Он тебя бил?

Артем покачал головой.

– Нет.

– Это правда? Или сказать боишься?

– На моем теле нет синяков и ушибов, – серьезно сказал Артем, – меня никто не бил.

Выдохнули. Нет физического насилия – уже радость.

– Просто мы друг друга не понимаем, – серьезным тоном заявил Артем. – Столкнулись два человека. В любовую. Пройдет.

Он сдвинул брови, всем своим видом показывая мне, что разговор на тему его взаимоотношений с родителями окончен. Правда, меня его решение совсем не устроило.

Я перебралась на кровать и села у него в ногах. Артем бросил на меня удивленный взгляд.

– Если ты не против, – вежливо сказала я. – Двигайся, а то я не помещаюсь.

Я полагала, что таким образом стгону Артема с кровати хотя бы в кресло, но он никуда не ушел. Только поправил ноутбук, чтобы не съезжал с живота, и все.

– Может, помощь нужна? – безапелляционно продолжала я доставать Артема. – Просто я же не враг тебе, ты знаешь меня сто лет. С мамой твоей мы дружим, а тебя я всегда выручу. Тетя Мила тоже. Но знаешь, Артем, мне кажется, что ты что-то скрываешь.

– Ничего я не скрываю, – уперся он.

– Разве? Ты уходишь из дома, взяв с собой только ноутбук.

Больше у тебя с собой ничего нет. Деньгами перед побегом хоть разжился?

– Две тысячи есть... Да и без денег не пропал бы, – буркнул он.

Ему совсем не нравилось, что я начала докапываться до сути. Я тоже чувствовала дискомфорт, но остановиться почему-то не получалось.

– Можно подумать, что ты была совершенно иной в моем возрасте, – прищурился Артем.

Перешел на «ты». Хороший знак. Очень хороший.

– Сейчас не обо мне речь, – прервала я его. – Каждый случай уникален. Сбежать из дома на ночь глядя – это уже посерьезнее, чем обидные слова. Что же ты не поделил с папой? Просто, пожалуйста, пообещай, что расскажешь. Не сейчас, потом. Но не держи в себе.

Артем покосился на меня и усмехнулся:

– Да уж, психотерапевт из тебя не очень, – признался он.

– Вот и договорились.

Я соскочила с кровати и подошла к двери.

– Ты же не завтракал?

– Нет, – покачал он головой.

– Это потому что глотать больно?

– Немного.

Теперь понятно, почему он сказал тете Миле, что не бу-

дет завтракать. Она бы снова затарактела и стала носиться вокруг него, а это, мягко говоря, часто утомляет. Я-то привыкла, а вот Артему пришлось бы несладко.

Но еду никто не отменял.

– Не будем раздражать твое горло, – решила я. – Ему нужна забота и бережное отношение. Я что-нибудь придумаю. И компанию составлю.

Артем, подумав, кивнул.

* * *

В закромах тети Милы я обнаружила пачку с манной крупой. Наскоро сварганив жидкую кашу, я налила ее в чашку, добавила кусочек сливочного масла и понесла все это великолепие в комнату.

Артем заглянул в чашку.

– Каша? – удивился он. – Прикольно.

– Это весело, – согласилась я. – От жидкого горло болит не так сильно, как от твердой пищи. Значит, пищу надо не есть, а пить.

– Разумно, конечно, но кашу все-таки едят.

Артем, кажется, решил поспорить. Только вот не учел тот факт, что истина – часто понятие субъективное.

– А ты пей. Сломай систему.

Артем сделал глубокий вдох.

– Отвернись, пожалуйста, – попросил он.

– Не хочешь, чтобы я стала свидетелем твоего позора?

– Просто не люблю, когда смотрят в упор.

– Как скажешь.

Я подошла к окну. Поправила занавески, осмотрела цветы в горшках. Ненадолго «зависла», глядя в окно.

– Спасибо, – произнес он.

Его чашка была пуста.

– Тебе спасибо, – ответила я.

Я отнесла посуду на кухню и вернулась.

– Ну если тебе больше ничего не нужно... – начала я, но меня вдруг перебили.

– Ты маме не расскажешь? – вдруг спросил Артем.

Его вопрос прозвучал для меня совсем не внезапно. Я понимала его, Артему хотелось поделиться переживаниями с кем-то малознакомым, с тем, кто его не сдаст и кто не будет лезть глубоко в душу. Таких людей, кроме меня, судя по всему, в его окружении в нужный момент не оказалось. И теперь я стала для Артема таким случайным попутчиком, которому можно слить самые страшные тайны.

– Смотря что я услышу, – честно призналась я. – Есть ряд случаев, о которых родители должны знать в первую очередь. Но перед этим я выслушаю тебя. Может быть, ты сам решишь поговоришь с мамой... или с папой.

Парня явно что-то точило изнутри. Мучило и расшатывало его нервную систему.

– Отец не поверил.

– О чем ты ему рассказал?

– Ты тоже, наверное, не поверишь.

– А ты попробуй, – предложила я.

Некоторое время Артем молчал, разглядывая свои руки.

Потом решил.

– Я действительно видел, как один мужик убил другого, – спокойно сказал он. – Только вся фишка в том, что мне никто не верит. Мама не поверила, отец не поверил. Даже копы продинамили³. Как будто бы я все придумал. Но я не придумал. Можешь подойти?

Артем развернул ко мне экран ноутбука. На экране я увидела страницу городского информационного сайта.

– Читай вслух, – попросил он, ткнув пальцем в экран. – Вот отсюда.

– Ладно, – и я принялась читать: – «Управляющий тара-совским отделением гостиничного холдинга SCOBEL Олег Скобелев рассказал, что празднование 20-летнего юбилея со дня открытия первого отеля гостиничной сети SCOBEL, «опутавшей» на сегодняшний день много стран, планируется грандиозное. Скобелев утверждает, что сотрудники организации и гости мероприятия запомнят праздник надолго большим размахом. Гостей ждет много сюрпризов. Каждый сотрудник организации, в чем бы ни заключались его обязанности, получит памятные подарки. Торжественная часть, а также праздничный банкет будут проходить в здании отеля

³ Подвели, не обратили внимания.

SCOBEL, расположенного на набережной». Читать дальше?

– Да.

– Блин, язык сломать можно. Так... так... «Для проведения выделены средства... Будут гости из других регионов». Артем, что мы ищем? Стой. Скобелев обещает премии и говорит, что каждый получит не просто, что заслужил, а даже больше. Речь наверняка идет о больших деньгах.

– Шесть миллионов рублей, – сказал Артем. – Ты просто не дочитала.

– Сколько?!

– Мой мозг тоже сначала это не смог переварить, – задумчиво кивнул Артем. – Но цифра наверняка условна. Разве о таком напишут правду? На праздник можно потратить и меньше. Или больше. Если меньше заявленной суммы, то остаток положить в карман. Удобнее озвучить среднее арифметическое.

– Ладно, – кивнула я. – И к чему это все? Зачем ты дал мне это прочитать?

– Просто чтобы ты представляла масштаб.

– Подожди, – не поняла я, – но ведь, кажется, этот юбилей отметили неделю назад. Мне знакомая рассказывала, что даже подъезд к набережной был перекрыт, и добираться до работы приходилось объездными путями.

– Да, – произнес Артем, – только подъездные пути перекрыли довольно паршиво, да и то только для гостевого транспорта. Для гостей организовали стоянку, это понятно. Но

наш народ не остановить. Если на машине нельзя подъехать, то на своих двоих-то можно пройти. Не на сам праздник, но на территорию, которую из-за него перекрыли.

Я села, обхватила колени руками.

– Ты меня запутал, – призналась я.

– Тут все просто, – сказал Артем. – Я расскажу. Я готов.

Только не перебивай меня.

– Не буду, – пообещала я. – Но если что-то станет снова непонятным, то я спрошу, о-кей?

Он нетерпеливо кивнул.

– Тут фотография.

– Где?

– Под статьей, которую ты только что видела.

– Чья фотография?

– Написано, что это Семен Ойстрах, владелец всей сети отелей SCOBEL. Миллионер вроде бы. Я погуглил немножко, но в Интернете о нем все больше какие-то папарацци следят. То вот он засветился в Куршевеле, то вот его новая девушка. Всякое маловажное. Но сегодня я увидел в новостях одну интересную штуку. Я прочту кусочек: «Полиция проверяет все факты, связанные с исчезновением Семена Ойстраха, прибывшего в Тарасов для участия в торжественных мероприятиях, связанных с 20-летним юбилеем со дня открытия первого отеля гостиничной сети SCOBEL».

Ситуация складывалась непростая, как говорят в народе, без бутылки не разберешься. Артем заметил на моем ли-

це недоумение. Пара незаметных движений, и передо мной появилась фотография, на которой я увидела круглолице-го светловолосого мужчину. Выделялись красивые голубые глаза, хотя по уставшему и немного отекающему лицу было заметно, что жизнь изрядно потрепала его владельца. Очевидно, мужик периодически закладывал за воротник и мало волновался насчет своей внешности. Иначе при своих доходах выглядел бы иначе. Но это все – лишь мои предположения.

– На фото Семен Ойстрах, – сказал Артем. – Тот самый, который пропал. Здесь написано, что его ищет полиция, потому что он перестал выходить на связь несколько дней назад. Я знаю, куда он делся, потому что видел, как его убили.

Первый вопрос, который я задала Артему, ставил под сомнение правдивость рассказанного.

– То есть ты уверен, что видел той ночью именно его?

– Уверен.

– И видел, значит, того, кто убил?

– Видел.

– Опиши его, – потребовала я.

– Не могу, – твердо сказал Артем.

– Почему?

– Потому что.

– Ты в полиции так же сказал?

– Не совсем, – ответил мальчик. – Но я говорю правду.

– Слишком мало деталей, – цокнула я языком. – Слишком мало... И нет доказательств. Поэтому тебе не поверили.

– Вы тоже не верите, – он снова перешел на «вы». После этих слов Артем закрыл крышку ноутбука. Лицо застыло. Взгляд стал безразличным. Когда так смотрят, то становится не по себе.

Этот серьезный и холодный взгляд заставил меня задуматься. Я попыталась посмотреть на все другими глазами. В голове зародилась одна мысль. Но я не озвучила ее, лишь склонила голову набок и уставилась на Артема точно так же, как и он на меня: без тени улыбки, без вопроса во взгляде. Давай, мол, просвети меня. Потому что мой язык не поворачивается.

Артем ничего не сказал. Опустил крышку ноутбука, отложил его в сторону и отвернулся к стене.

– Можно я посплю? – хмуро поинтересовался он.

Я тронула его за плечо. Через тонкую ткань футболки не ощутила никакого жара. Кажется, температуру молодой организм все-таки сумел победить.

Но меня почему-то не отпускало чувство вины. Я сделала что-то не так. Не ответила тогда, когда нужно было. Или проигнорировала слова Артема. А вот где ошиблась – так и непонятно.

– Я буду на кухне, – сказала я, уже стоя в дверях.

– Ладно.

– Слушай...

– Вы тоже не верите.

– Да во что же я должна не верить-то? – не поняла я. – Ты

же толком ничего не рассказал?

Красноречивый диалог вышел. Все-таки давно я с подростками не общалась. Они мне кажутся пришельцами с другой планеты, всегда в своем мире. С другой стороны, я в чем-то сама еще оставалась подростком.

Артем сел в постели и вздохнул.

– Я видел, – умоляющим тоном произнес он. – Вот этого, который на фото.

– Семена Ойстраха? – уточнила я.

– Да.

– Когда ты его видел?

– Я видел, что его убили, поэтому пошел в полицию!

На мгновение мне показалось, что он сорвется. Выбросит себя из-под пледа, напялит джинсы, схватит рюкзак и уйдет, хлопнув дверью. Я не смогу остановить. Все же он хоть и маленький, но мужчина. Драться с ним, что ли? Не дай бог.

– Так. Стой, – попросила я. – И не вздумай психовать. У меня вопросы.

– Давайте свои вопросы, – с вызовом сказал он.

– Ты сообщил полицейским, что видел убийство. Оно произошло на набережной. Так?

– Так.

– Тебе не поверили. Тебе никто, – я сделала упор на второе слово, – не поверил. Ни мама, ни папа.

– И копы тоже, – добавил он.

– В итоге ты обиделся на всех и ушел ночью из дома, так?

– Ну так!

– А сегодня ты показываешь мне фотографию какого-то известного человека и утверждаешь, что...

Артем прервал меня и нетерпеливо замотал головой:

– Я пытаюсь рассказать, но вы не слушаете. Я хочу рассказать, что случилось.

– Пока что трудно тебя понять. Давай заново. И спокойно, – попросила я. – Пожалуйста.

Артем посмотрел на меня с жалостью.

– Я думал, что вы все уже поняли.

– Да что я должна понять?! – не выдержала я.

– Я видел убийство!

– Да где ты его видел?

– На набережной же! – чуть не плача, выкрикнул Артем и повалился головой в подушку.

В голове зашумело. Мы ходили по кругу. Или вокруг и около – как оно там правильно?

– Подожди-ка, – попросила я. – Сейчас я кофе сделаю, я быстро.

И, забывшись, ляпнула:

– Ты будешь?

Не дождавшись ответа, я махнула рукой и пошла на кухню. И только там поняла, что вряд ли Артем употребляет настоящий кофе. Мал еще для этого, да и Юлька не допустит. Она адепт здорового образа жизни, правильного питания и всяких ковриков для йоги.

Турка со стуком опустилась на стол. Поставив ее на конфорку, я посмотрела в окно, за которым радостно шумела вырвавшаяся на свободу осень.

Разговор с Артемом зашел в тупик. Начали за здоровье, а закончили его истерикой. Как так вышло? Непонятно. Нормально же сидели.

Итак, что мы имеем? Артема, который утверждает, что говорит правду, и кучу взрослых людей, которые ему не верят. А чему же именно другие не поверили? Тому, что он видел своими собственными глазами.

«Я действительно видел, как один мужик убил другого», – эта фраза врезалась в память. Артем это сказал с уверенностью в своих словах.

Выключив газ и налив кофе в кружку, я вернулась в свою комнату. Около двери, правда, притормозила, решила сначала постучать.

Артем разрешил войти.

– Давай-ка перефразируем. Ты стал свидетелем убийства, – переспросила я. – Верно?

Он молчал и смотрел на меня так, словно сам был застукан на месте преступления.

– Не молчи, – повысила я голос.

– Да.

– Что «да»?

– «Да» в смысле «наконец-то».

Нам обоим уже сильно надоела эта бессмысленная болтовня. И дело было не в Артеме, а во мне. Я не услышала его, не слышала с самого начала. Все, что он пытался донести до взрослых, ими же и обесценивалось из-за того, что он в глазах других был трудным подростком. Мама вечно в командировках, с отцом проблемы, в школе неприятности. Первый побег из дома. Плюс возраст, который многие наивно считают несерьезным. Подростки, по мнению большинства, подвержены эмоциям, принимают неверные решения и часто приукрашивают действительность. Особенно когда ребенку двенадцать лет. Потому что пятнадцать или семнадцать – это уже другое дело, ведь за плечами какой-никакой опыт, сформированные привычки, прокачанные навыки. Но сейчас не об этом.

Я не считала себя очень гениальной личностью. Всегда понимала, что многого не знаю и не умею. Но иногда все же судила людей по себе. Наверное, со всеми взрослыми, до которых Артем пытался достучаться, произошло то же самое, что и со мной. Мы изначально были уверены в том, что случившееся с ним не что иное, как способ привлечь к себе внимание.

– Расскажи-ка мне всё еще раз, Артем, – попросила я. – С самого начала до самого конца.

Его рассказ действительно был похож на фантазию. Так часто бывает. Ты идешь по темной улице, вокруг нет людей, а впереди возникает фигура бегущего человека. В голове сразу возникает уйма вопросов. Куда бежит этот человек? Почему бежит, а не идет? Что он тут делает ночью? Что у него случилось? Наверное, что-то нехорошее, раз он бежит, иначе он бы не бежал. Значит, причастен.

И пошло-поехало. Перед глазами встают страшные картины с залитой кровью землей и с мрачно осматривающими место преступления людьми. А чаще всего оказывается, что этот человек всего лишь решил устроить пробежку на ночь глядя, проветриться. Или, например, вспомнил, что оставил в квартире у любовницы что-то из своих вещей. Или же несется разнимать дерущихся, которых он увидел из окна.

В случае с Артемом было то же самое. То, что он поведал, мало походило на правду.

– Танька попросила пойти вместе с ней. Нужно было погулять с собакой.

– Какая Танька? – не поняла я.

– Из моего класса, – объяснил он. – Живет в соседнем дворе.

– И ты пошел с ней выгуливать ее собаку на ночь глядя, – поняла я.

– Ну да, – кивнул Артем, – поздно же было. Решили пойти на набережную.

Набережная, кстати, находилась на приличном расстоянии от дома, где жили Кормухины. До нее идти нужно было полчаса, если не больше.

– А поближе погулять с собакой в голову не пришло? – поинтересовалась я.

Артем не понял моего удивления.

– Танька всегда там с ней гуляет, – ответил он. – Туда многие приходят, у кого собака есть.

– Не страшно ночью-то было? Вы же дети.

– Уже не дети, – вздохнул Артем. – И потом, нас же двое плюс Тайсон. Он незнакомого человека порвет на месте. Меня кусал два раза, когда маленький был, а потом перестал.

– Какая порода?

– У Тайсона-то? Он дворецкий. Танька его за гаражами нашла совсем щенком. Я помогал с ним, ухаживали вместе. Приходил после уроков к Таньке домой, мы его кормили и лечили, потому что в ветеринарке у него нашли какую-то кишечную инфекцию.

– Понятно, – оборвала я его. – Давай, ты мне потом про Тайсона расскажешь, ладно?

– Ладно, – согласился Артем. – Когда мы дошли до набережной, Тайсон сорвался с поводка и убежал. С ним такое случается. Видимо, зов природы. Нужно было его догнать, причем быстро, потому что в такие моменты у него мозг от-

ключается, может покусать кого-то или улизнуть туда, где мы его не найдем. Ну я и рванул.

Похоже, он перешел к самой важной и интересной части своего повествования. Артем уселся в центре кровати и нервно попытался почесать свою же спину.

– Я их случайно увидел. Тайсона нигде не было, да и на набережной людей не оказалось. Поэтому я обратил внимание на двух мужчин, которые стояли как раз неподалеку от фонаря. Они были пьяные, шатались. Понятно, что это были гости с того самого «отельного» праздника. И я бы ушел, наверное, но вдруг четко увидел, что пьяный из них только один, а другой абсолютно трезвый. Вот он и ударил второго. Как я потом узнал, пьяным как раз оказался Семен Ойстрах.

– Как именно это выглядело? Куда он ударил Ойстраха?

– Вот сюда.

Артем впечатал кулак в свой живот.

– В солнечное сплетение? – уточнила я. – Один человек ударил другого в солнечное сплетение?

– Дал под дых, – кивнул Артем. – Ойстрах стал падать вперед, ткнулся головой в грудь другому. И тот присел, взял его под коленки, кажется, и перевалил через перила в воду. Я даже шум услышал.

– А в отеле, из которого якобы вышли эти люди, все еще отмечали юбилей?

– Да, – кивнул Артем, – музыка была громкая.

– Как же ты мог услышать всплеск воды с расстояния, да

еще во время громкой музыки?

Артем подался вперед.

– Музыка звучала внутри отеля. За его стенами были слышны всего лишь басы. Это как будто тебя бьют по башке огромным мягким молотком, причем наносят удары с определенным ритмом. Вибрация, не более. Ты ощущаешь ее физически, но не слышишь. Эти двое были ближе ко мне, чем отель. Я слышал их голоса, правда, слов не разобрал. И я четко разобрал звук, когда Ойстраха скинули в воду.

Я смотрела на Артема и не знала, чему верить.

– Ты обратился в полицию на другой день?

– Через день. Но сначала поговорил с мамой. Она перепугалась, конечно, а потом такая говорит: «Поделись с папой». Я попытался, но был резко и категорически проигнорирован.

– И тогда ты пошел в полицию.

– Конечно. Потому что одно дело видеть, а другое – жить с этим. Я же не знал, что убили именно Ойстраха, а просто видел ужасные вещи. Конечно, я подумал, что полиция поможет. Я наведу, а они уже сами доведут это дело. Но кто бы мог подумать, что им тоже будет неинтересно, хотя они и сгоняли к воде по моей просьбе. Представляю, как полиция «искала» улики.

– На тот момент об исчезновении Ойстраха никто не знал, как я понимаю, – задумчиво произнесла я.

– А теперь знают, – сказал Артем и упал спиной в подушку.

Я молча наблюдала за тем, как он тянет к себе ноут, открывает крышку, нажимает на клавиши.

– Что ты собрался делать? – поинтересовалась я.

– Поиграю немного.

– Как горло?

– Не болит.

И я ушла на кухню. Теперь Артем выговорился. То, о чем он рассказал, теперь стало моей проблемой, потому что я ему внезапно и совершенно безоговорочно поверила.

* * *

Глеб приехал сразу, как только смог. Он был одет в белоснежный спортивный костюм, который, наверное, стоил очень дорого. На ногах алели яркие кроссовки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.